

Э л и К е д у р и

НАЦИОНАЛИЗМ

Санкт - Петербург   А Л Е Т Е Й Я   2 0 1 0

УДК 323.1
ББК 66.1(0)
К33

*Перевод выполнен при поддержке гранта
«Программа переводов имени Пауля Целана» от Института
гуманитарных исследований (Вена) и Первой австрийской
сберегательной кассы (частного фонда) (Вена)
(Translation made possible through the support of the Paul Celan
Translation Programme, sponsored by the Institute for Human Sciences,
Vienna and Die Erste sterreichische Spar-Casse Privatstiftung, Vienna)*

Кедури Эли
К33 Национализм / Э. Кедури; пер. с англ. А. А. Новохатько. —
4-е изд., расш. — СПб. : Алетейя, 2010. — 136 с.
ISBN 978-5-91419-400-7

Работа британского историка Эли Кедури «Национализм», впервые опубликованная в Лондоне в 1960 г. и с тех пор выдержавшая неоднократные переиздания на английском и многих других языках, считается классической по данному вопросу. Автор прослеживает в ней философские основания национализма, а также противоречивые исторические условия, которые способствовали его становлению. Книга впервые выносится на суд русского читателя и, возможно, позволит увидеть в новом свете идеологические движения и острые политические дискуссии в современной России.

УДК 323.1
ББК 66.1(0)

*Перевод выполнен по изданию Elie Kedourie Nationalism,
Blackwell Publishers Ltd, Oxford, 2000*

ISBN 978-5-91419-400-7

© Elie Kedourie, 2000
© Новохатько А. А., перевод на русский язык, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

УЧЕНИК — УЧИТЕЛЮ¹

Впервые я встретился с Эли Кедури в Лондоне в июне 1974 года благодаря Питеру Лоизосу. Лоизос готовил к изданию «Дары данайцев»², книгу о кипрской политике и только что прочитал мою дипломную работу о выборной и партийной системе в Кипрской Республике, в которой я оценил влияние национализма на определение нормативного дискурса и параметров политической законности на Кипре. Лоизос предложил мне обсудить эту тему с Эли Кедури и организовал встречу с ним в кабинете Кедури в Лондонской школе экономики. Там меня и приняли, в комнате с невероятным количеством книг. Кедури был немногословен, внимательно слушал. Это был сдержанный человек, не выражающий особо эмоций или суждений. Однако он поддержал мой интерес к политическим идеям греческого Просвещения, в которых я надеялся найти интеллектуальные корни греческого национализма.

После нашей встречи я пошёл в книжный магазин и купил «Национализм» Кедури. Помню, что прочитал сразу же, по дороге в Париж в поезде, и вначале удивился подходу — философскому, а не социологическому или историческому, как нас учили в Веслианском университете и в Гарварде. Но чем больше я вчитывался, тем более интересной казалась мне книга. Впервые я обнаружил критическую форму, внутри которой мог развивать собственную критику национализма. Мне понравился стиль Кедури, особенно его тонкая сдержанная ирония, пронизывающая книгу, при внимательном чтении за скеп-

---

¹ Данное предисловие, которое проф. Пасхалис Китромилидис любезно разрешил перевести для русского издания, было опубликовано им сначала как статья в сборнике *Elie Kedourie 1926–1992: History, Philosophy, Politics*, ed. by Sylvia Kedourie (London 1998), а затем стало предисловием к греческому изданию «Национализма» (Афины, 2003 г.). На русском языке издана монография П. М. Китромилидиса «Эпоха Просвещения в Греции» (СПб., Алетейя, 2007 г.) — прим. переводчика.

² Peter Loizos, *The Greek Gift: Politics in a Cypriot Village*. Oxford: Blackwell, 1975.

тицизмом автора обнаружилось острое переживанием им трагизма, присущей его человеческим действиям.

Вспомним основные интеллектуальные направления той эпохи, и тогда будет ощутимее наслаждение, с которым воспринималась книга Кедури, и понятнее, почему его угол зрения произвёл на меня такое впечатление. Национализм в Америке начала семидесятых считался вопросом отжившим и практически не изучался. В общественных науках в моде были совершенно иные темы, особенно гремели политэкономия и структуралистский подход, а в политической теории ощущалось влияние дискуссий, вызванных «Теорией справедливости» Джона Роулза.

Изучение национализма в Гарварде ассоциировалось с именем Карла Дойча, который опирался на бихевиористский подход. Я не хочу быть несправедливым по отношению к Дойчу. Это был настоящий гуманист, человек широкой культуры и эрудиции, истинный наследник духовных традиций континентальной Европы. Однако он растратил все свои духовные силы на «функционирование» общественных переменных, пытаясь превратить общественные науки в «научные». В стремлении сделать национализм «функциональным» Дойч потерял самые интересные, хотя и теоретически противоречивые стороны этого учения. В конце концов, его работы по национализму оказались практически бесполезными, особенно по сравнению с его предшественниками в лице Карлтона Хайеса, Ганса Кона, Фридриха Мейнеке.

Хотя я был мало знаком с предметом, я продолжал придерживаться критической точки зрения в отношении того, что искренне считал — в то время скорее интуитивно, чем сознательно — глубоко разрушительной силой. В то же лето мне довелось лично убедиться, насколько разрушительной силой может быть национализм, особенно его дешёвая шовинистическая риторика. Я вернулся на Кипр после путешествия по Британии и Франции 10 июля 1974 года. В тяжёлой предгрозовой атмосфере веяло грядущим кризисом. Только что было обнаружено письмо архиепископа Макариоса, обращённое к предводителю греческой «хунты», в котором он просил отозвать с Кипра греческих офицеров. Ответом стал военный переворот на Кипре 15 июля 1974 года, в безумии националистического насилия сорвавший объединение острова с Грецией. Этот параноидальный план был предотвращён турецкой армией, воплощавшей, в свою очередь, фантазии уже турецких националистов, это привело к массовому насилию. Два вторжения в июле и августе привели к разделу острова. Я видел, как мой остров делят на части, видел десятки тысяч беженцев, мёртвых, раненых и пропадавших без вести, видел женщин и детей, ставшими жерт-

вами зверской жестокости, видел, как разрушается целая культура. Чувство ужаса сменили траур и горечь потерь, а за ними последовал исследовательский интерес к истокам трагедии. Вернувшись в Гарвард, я написал «Диалектику нетерпимости» — первую серьёзную работу по изучению греческих и турецких националистических движений.¹

Книга Кедури, аналитически и концептуально, стала основой всего, что я писал с тех пор по национализму. Время от времени появлялись новые работы, улавливающие последние тенденции общественной мысли и вызывающие соответствующие дискуссии. Я многому научился, особенно из работ Бенедикта Андерсона², Эрнеста Геллнера³, Энтони Смита⁴, а также из более ранних трудов Эрика Хобсбаума по национализму в европейской истории.⁵ Несмотря ни на что, книга Кедури осталась основным источником моих мыслей и исследований.⁶

---

¹ „The Dialectic of Intolerance. Ideological Dimensions of Ethnic Conflict”, *Journal of the Hellenic Diaspora* 6, 4 (1979), 5–30. Статья перепечатана в сборнике Paschalis M. Kitromilides, *Enlightenment, Nationalism, Orthodoxy*. Aldershot and London: Variorum 1994. Study XII.

² Я усвоил и применил известную мысль Бенедикта Андерсена в своей статье „Imagined Communities and the Origins of the National Question in the Balkans”, *European History Quarterly*, vol. 19 (1989), 149–192. Статья также перепечатана в сборнике Paschalis M. Kitromilides, *Enlightenment, Nationalism, Orthodoxy*. Aldershot and London: Variorum 1994. Study XII.

³ На мои исследования гораздо большее влияние оказала первая работа Геллнера по национализму (Ernest Gellner, *Thought and Change*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1964, 147–178), чем его общеизвестные и широко обсуждаемые «Нации и национализм», М., Прогресс. 1991 (*Nations and Nationalism*, Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983).

⁴ В современных работах по национализму Энтони Смит предупреждает читателя (продолжая линию аргументов Джона Армстронга в *Nations before Nationalism* (1982)), что не следует пренебрегать «этническим происхождением», создающим необходимую базу для построения национальных сообществ. Тем самым, он выявил необходимость серьёзного исследования источников и исторических прецедентов.

⁵ Eric Hobsbawm, *The Age of Revolution* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1962), 163–177, а также сравнительно недавнее *Nations and Nationalism since 1780* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990) См. русский перевод «Нации и национализм после 1780 г». СПб., Алетейя, 1998; Э. Хобсбаум. «Век революции», Ростов н/Д., Феникс. 1999.

⁶ Воспользуюсь случаем, чтобы обратить внимание на такой парадокс: влияние, оказанное Кедури на моё понимание национализма, сочеталось с

Размышляя о причинах этого обстоятельства, я прихожу к выводу, что ответ связан с двумя основными направлениями работы Кедури. Первое касается наиболее важного, на мой взгляд, вклада, содержащегося в его книге, — освободить исследование национализма от однолинейной и упрощённой интерпретации истории мысли (как например, у Ганса Кона) и развернуть его в сторону социальной и политической философии, в рефлексию о месте и положении человека в истории. Почему современный человек столь остро ощущает потребность отождествить себя с той или иной нацией? Отвечая на данный вопрос, Кедури указывает на когнитивные и нравственные предпосылки этого отождествления, и поэтому предлагает философский способ понимания вместо политического или антропологического подходов, которые мы вынуждены были бы принять, если бы чувство национальной идентичности было связано с государственной или любого рода другой первичной властью. Он сам стремился к философскому, а не к политическому или историческому подходу — на первый взгляд это выглядит как непоследовательность, ибо остальные его труды тесно связаны с политической историей, но легко подтверждается одним характерным фактом. В послесловии Кедури разбирает аргументы критиков «Национализма». Единственный интересующий его вопрос — интерпретация Канта. Кантовскую философию самоопределения Кедури считал философским источником современного национализма.¹

Думаю, именно это философское измерение книги выделяет её из всего ряда профессиональной литературы. Кроме того, философские размышления способствовали и другому направлению исследования — глубокой, сдержанной, нередко недосказанной критике. Кедури представляет на суд читателя свое понимание национализма как социальной философии, но за этим толкованием трудно не различить критики. Недоверие к роли интеллектуалов напоминает взгляды Оукшотта, но, думаю, те, кто видят в этом лишь проявление «кон-

---

другим влиянием, о котором стоит вспомнить. Речь идёт о работе Рудольфа Рокера «Национализм и культура» (Rudolf Rocker, *Nationalism and Culture* New York 1937)). Парадокс, конечно, внешний, но, тем не менее, он существует: Кедури, консерватор школы Оукшотта, и Рокер, анархосиндикалист и интернационалист, приходят, по сути, к одному и тому же пониманию характера национализма.

¹ См. ниже с. 127–128. Ср. также с. 30–38.

серватизма школы Оукшотта», глубоко заблуждаются.² Впрочем, такое непонимание работы Кедури легко объяснимо. Чтобы правильно оценить значимость критической позиции, обозначенной в «Национализме», нужно представлять себе постепенное становление его мысли, ведущее к вершине, что и выражено в данной работе. Однако, изучая теоретические подходы к национализму, часто упускают из виду более широкий фон исследований Кедури, открывавшийся в «Национализме». С ним знакомы только специалисты по ближневосточной политике, а точнее, по истории британских поражений на Ближнем Востоке. Не ознакомившись с этим спектром творчества Кедури, невозможно во всей полноте оценить критические настроения «Национализма».

Без анализа работ Кедури по Ближнему Востоку останется непонятным его очевидное недоверие к национализму, особенно к интеллектуалам-националистам, или его пессимизм в отношении надежд на новаторство, которые проявляются в мировоззрении Просвещения. Большинство этих работ написаны в 1950-е, и они образуют субстанциальную базу, на которой Кедури возводил аналитическое здание «Национализма». Я напомним два политических очерка этих лет, отражающие и раскрывающие, аналитическую концепцию данной книги, изданной в 1960 г.

Первый очерк называется «Меньшинства» и датирован 1952 г. Он посвящён самоуничтожению османских армян и иракских евреев и отчётливо демонстрирует, почему автор так не доверяет националистам-интеллектуалам и испытывает такое отчаяние от невежества политических лидеров национализма. Это исследование о политической слепоте, корыстном фанатизме и страсти, обесцененной жадностью власти и алчностью её представителей, выявляет национализм с самой мрачной его стороны.³

Другой очерк носит название «Религия и политика». Он отражает фундаментальное противоречие национализма, подрывающее его претензию быть философским основанием для человеческих действий. Это яркая работа о неизбежной логике, заставившей арабов-христиан принять ислам, чтобы затем примкнуть к

---

² См., например, David Miller, *On Nationality* (Oxford: Oxford University Press, 1995), с. 31 и с. 108–109.

³ Elie Kedourie, *The Chatham House Version and Other Middle Eastern Studies* (Hanover and London: University Press of New England, 1984), 286–316.

национализму.¹ Она показывает несовместимость любых форм универсализма, будь то христианский экуменизм или универсализм. Просвещения, в котором, согласно Кедури, таятся истоки национализма, с системой ценностей и страстями национализма. Этот чрезвычайно важный текст помогает нам увидеть, как любая церковь — в Ирландии, Польше, России или на Балканах — по сути перестаёт быть христианским институтом с того момента, как превращается в движущую силу национализма. Я могу добавить, что эта позиция является решающей для понимания судьбы христианства не только на Ближнем Востоке, но и в Восточной и Юго-Восточной Европе. Мы убеждаемся, насколько недальновидными, введёнными в заблуждение и неосведомлёнными были западные обличители ценностей и традиций православного христианства, которые были объявлены причинами преступлений национализма и примордиализма.

Аналитическое различие, проводимое Кедури между христианским экуменизмом и национализмом, может быть особенно полезным, поскольку убедительно показывает, что сообщником была не сама по себе православная христианская традиция в конкретном регионе, а национализированная церковь, на которую надели смирительную рубашку и подчинили целям светского государства. Эта мысль оказалась драгоценной для моих собственных работ.² Различие обозначено достаточно ясно, хотя и не развёрнуто Кедури во всей своей полноте. Очерк о религии и национализме надо бы прочитать и основательно обдумать западным наблюдателям, запутавшимся в интригах восточноевропейской политики, да и интеллектуальному крылу лидеров фундаменталистского движения Восточ-

---

¹ См. там же. С. 317–350.

² О противоречии между православием и национализмом я писал в „Imagined Communities and the Origins of the National Question in the Balkans“, 177–185 (см. выше). О не-национальном характере православия см. также „Balkan Mentality. History, Legend, Imagination“, *Nations and Nationalism* 2, 2 (1996), 163–191. Добавлю ещё, что, когда я предложил статью „Greek irredentism in Asia Minor and Cyprus“ в журнал „*Middle Eastern Studies*“, главным редактором которого был тогда Кедури (опубл. в № 26, вып. 1, 1990 г.), он с интересом отнёсся к ссылке на работу митрополита Сардского Максима „*The Ecumenical Patriarchate in the Orthodox Church*“ (Thessaloniki, 1976). В ней с позиций православной идеологии рассматривалась несовместимость христианского учения с этническими и национальными концепциями. Вскоре Кедури в письме попросил у меня экземпляр этой книги.

ной и Юго-Восточной Европы он будет поучителен в том невероятном случае, если они когда-нибудь зададутся вопросом о последствиях их бесконечных разглагольствований.

Книга Эли Кедури, на мой взгляд, ещё долго будет важной точкой отсчёта в вопросах национализма. Это трезвый и серьёзный труд, ценность которого будет лишь возрастать по мере того, как изучение национализма будет переходить от модной трескотни к систематическим исследованиям и теоретическим размышлениям. Может быть, в этой области однажды появится свой собственный корпус классических текстов. Тогда изучение национализма освободится от оков модных течений и наберёт собственную динамику роста, которая может состоять только в постоянном диалоге теории и исследования. И я ни на секунду не сомневаюсь, что в этом диалоге работа Кедури получит признание и уважение, которых она по праву заслуживает своей духовной отвагой и честностью.

Пасхалис М. Китромилидис

Директор Института Новогреческих Исследований
Национального Исследовательского Фонда Греции

ПРЕДИСЛОВИЕ АНГЛИЙСКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Эли Кедури ушёл из жизни неожиданно, скоропостижная смерть наступила 29 июня 1992 года в Вашингтоне. Он вёл много проектов. Получив грант Международного научного центра Вудро Вильсона, он жил последний год в Вашингтоне и чувствовал себя свободным от остальных обязательств, отдавая всё своё время монографии о консерватизме, занимавшей его долгие годы. Одного взгляда на работу о национализме, написанную более тридцати лет назад, достаточно, чтобы понять очевидное: её актуальность сегодня настолько же остра, как и в те дни, когда она писалась. Тот факт, что суждения автора и изложение исторических событий сохраняют свою злободневность после длительного промежутка времени, лишь увеличивает чувство потери, ибо его мысли о современных и исторических вопросах более не будут радовать читателя. Среди бумаг Эли Кедури я нашла статью, которая может стать прекрасным введением к 4-му изданию «Национализма», работы точной, проницательной и классически ясной. Эли Кедури всегда приходил в недоумение от избыточных тонкостей, с помощью которых большинство людей классифицируют себя или других. Ярлыки, обозначающие «национальные» взаимоотношения, не давали ему покоя. Но более всего его волновала идентичность личности; он всегда ясно видел, насколько хрупка эта идентичность перед идеологическими моделями. Это его беспокойство в полной мере подтверждается сегодняшними «этническими чистками». Мысль приходит в оцепенение от того, что словам этим придаётся смысл ритуального очищения.

Смещения в идентификации ещё более остры, когда в приграничных территориях национальная идентичность меняется по мере того, как границы произвольно смещаются и перекраиваются. В Европе не надо далеко ходить за примерами. Общеизвестна ситуация, когда пограничное население периодически меняет свой флаг. Включая в книгу нижеследующее введение Кедури, я бы хотела обратить внимание читателя на последние четыре абзаца в этом введении, проясняющие позицию автора по этим вопросам. Абзацы были пронумерованы и, очевидно, служили пунктами, к которым Эли Кедури хотел в будущем вернуться. К сожалению, ему не хватило времени развить эти мысли на бумаге, но я решила оставить всё так, как нашла в черновике — за исключением того, что удалила номера с 1 по 4. За это я прошу у читателя прощения...

Сильвия Кедури,
весна 1993 года